

сколько среди этих работ были самые популярные учебные пособия для средних и высших учебных заведений, апокрифическая фраза прочно укоренилась в сознании тех, кто получал образование в предреволюционные годы, и они-то, уже не сомневаясь в подлинности формулы, транслировали ее следующим поколениям. Так Вогюэ удалось создать успешный мем, который более ста лет размножается в русской, советской и постсоветской культурах и, кажется, не собирается сдавать свои позиции.

XIX столетия 40—60-х годов. С. 302; *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века: В 2 т. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 1. С. 192; *Незеленов А. И.* История русской словесности для средних учебных заведений. М., 1909. Вып. 3. С. 167; *Саводник В.* Очерки по истории русской литературы XIX века. 5-е изд. М., 1909. Ч. 2. С. 239; *Каллаш В. В.* Очерки по истории новейшей русской литературы. М., 1911. С. 167; *Венгеров С. А.* Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1913. Т. 2: Писатель-гражданин Гоголь. С. 90, 120; *Веселовский А. Н.* История новой русской литературы XIX века. М., 1917. С. 137.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-170-180

© Н. А. Богомолов

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ 125 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД*

Не круглый, но все-таки юбилей Л. Н. Толстого (190 лет со дня рождения) заставляет задуматься о том, что его жизнь окончательно отодвинулась в прошлое. Если не такое уж давнее время назад современники Толстого еще были среди нас, то теперь таких уже невозможно отыскать. И, стало быть, любые воспоминания о встречах с ним приобретают статус значимого исторического свидетельства, особенно в тех случаях, когда речь идет о людях, важных для истории русской культуры. А Л. Я. Гуревич и А. Л. Волинский такими, безусловно, были.

История взаимоотношений Л. Н. Толстого с журналом «Северный вестник» не раз становилась предметом исследования. Наиболее подробно и последовательно проследил ее П. В. Куприяновский в работе «Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в журнале „Северный вестник”»,¹ обстоятельно писала об этом Е. Д. Толстая,² да и вообще почти ни одна работа о журнале не могла обойти этот вопрос вниманием.³ Но вместе с тем даже самые поверхностные поиски в архивах показывают, что возможности новых открытий далеко не исчерпаны. Два таких небольших открытия мы предлагаем читателям.

Отношения с «Северным вестником» велись Толстым через его издательницу Л. Я. Гуревич и ближайшего к редакции сотрудника А. Л. Волинского. Первая не раз рассказывала о своих встречах с писателем, прежде всего о самой первой, которая во многом предопределила содержание всех дальнейших. Говоря о своих взаимоотношениях с Н. С. Лесковым, она писала, что он «...ободрил меня к скорейшему посещению Толстого и, узнав, что гр. С. А. Толстая в детстве была знакома с

* Выражаем сердечную благодарность за помощь в работе Н. В. Котрелеву и Л. И. Соболеву.

¹ *Куприяновский П. В.* «Оглядываясь на прошлое...»: Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. С. 92—125 (впервые: *Куприяновский П. В.* Доверие к жизни. Ярославль, 1981).

² *Толстая Е.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волинского. Иерусалим; М., [2013]. С. 83—134.

³ Первоначальную библиографию см.: *Богомолов Н. А.* Печать русского символизма. [Saarbrücken, 2012]. С. 99—100.

моей матерью, летом 1892 года написал ей письмо, рекомендуя ей пригласить меня во время моего пребывания в деревне, в Тульской губернии, в Ясную Поляну. Я получила от нее это приглашение и в конце августа 1892 года поехала к Толстым и прожила у них целую неделю».⁴ Остальные события, как кажется на первый взгляд, были вполне адекватно описаны еще в 1930-е годы.⁵ Тогда же и там же были опубликованы письма Толстого к А. Л. Волынскому, с еще более кратким предисловием, где утверждалось: «Флексер был в Ясной Поляне два раза: в августе 1894 г. и 29 июля 1897 г. После прекращения в 1898 г. „Северного Вестника” прекратилось и личное и письменное общение Флексера с Толстым. Очевидно, общение это не имело под собой глубокой почвы внутреннего сродства».⁶ Отметим, что об одном из своих визитов Волынский рассказал печатно еще при жизни Толстого.⁷

Однако и Н. Н. Гусев, и П. В. Куприяновский, и Е. Д. Толстая были неточны в изложении фактического материала. Напомним, что Гусев насчитывал всего два свидания Толстого с Волынским. Толстая полагает, что он был там трижды, но говорит также о двух встречах, в 1894 и 1897 годах. Дату еще одного визита называет Куприяновский: «В письме Л. Гуревич, рассказывающем о поездке к Толстому 24 декабря 1893 года...».⁸ Однако в декабре 1893 года Толстые уже жили в Москве, а не в имении. Но такое письмо действительно существует, и его текст мы печатаем ниже. Только 24 декабря — дата его написания, сам же визит состоялся в конце лета или в самом начале осени 1893 года. Он был кратковременным, но, как мы далее увидим, существенным для биографии как Гуревич, так и Волынского, которые вместе приехали и вместе уехали. В доступных нам материалах из биографии Толстого, нередко весьма основательных, о нем ничего не говорится.

Отправным моментом для датировки служит фраза из воспоминаний: «Т^{олстой} дал нам с собой только что переписанную начисто статью „Неделание”, предназначенную для ближайшего № „Сев^{ерного} Вестн^{ика}”».⁹ 9 августа Толстой писал Гуревич: «Статья моя окончена, но она очень изменилась и не к лучшему в отношении цензурном. Не знаю, как вы с ней справитесь. Я посылаю ее нынче, 10-го, в Париж и потому думаю, что она во всяком случае выйдет раньше, чем у вас, если она когда и выйдет у вас. Один мой друг советовал мне отдать ее Гроту, рассчитывая, что у него она скорее пройдет, а вам возместить это чем-либо другим. Как вы об этом думаете?»⁹ Комментаторы утверждают, однако, иной порядок действий: «Статья „Неделание”, пересланная А. М. Кузминским 19 июня в „Северный вестник”, с помощью А. Ф. Кони прошла предварительную цензуру и была напечатана в „Северном вестнике”».¹⁰ Резонно задать себе вопрос: если статья уже давно была отправлена и даже прошла цензуру, почему же она датирована 9 августа? И почему в тот же день Толстой пишет Н. Я. Гроту: «У меня написалась статья, которую я обещал в „Северный Вестник”, но Чертков советует отдать ее вам, предполагая, что в „Северном Вестнике” не пропустят, а вы проведете; я бы рад это сде-

⁴ Гуревич Л. Я. История «Северного вестника» // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. С. А. Венгеров. М., [1914]. С. 245. Об этом свидании рассказывают ее мемуары: Гуревич Л. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Гуревич Л. Литература и эстетика. М., 1912. С. 276—294. Впервые: Слово. 1908. 28—29 авг. № 547—548; перепечатано (с сокращениями): Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 41—48. О других, менее значимых упоминаниях о личном общении с Толстым см. ниже.

⁵ Речь идет о небольшой вступительной статье Н. Н. Гусева к публикации писем Толстого к Гуревич (Летописи / Государственный Литературный музей. М., 1938. Кн. 2: Л. Н. Толстой / Ред. Н. Н. Гусева. С. 118—119).

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Волынский А. Ясная Поляна: Из частного письма // Прибалтийский край. 1901. 17 нояб. Второй раз, по архивному оригиналу, напечатано: Толстая Е. Бедный рыцарь. С. 102—111.

⁸ Куприяновский П. В. «Оглядываясь на прошлое...». С. 111.

⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 66. С. 380.

¹⁰ Там же. С. 381 (подг. текста и комм. В. А. Верховской и В. С. Мишина).

лать, но уже обещал и нынче отсылаю статью в „Сев[ерный] Вестн[ик]”. Если там усумнятся, то позвольте обратиться к вам?»¹¹

Ответ отыскивается довольно просто: А. М. Кузминский переслал отнюдь не окончательный вариант статьи, Толстой продолжал над нею работать и действительно завершил 9 августа. Известна и дата цензурного разрешения — 28 августа.¹² Мы знаем, что статья была помещена в девятом, сентябрьском номере «Северного вестника» (с. 281—304), и уже 11 сентября появился первый отклик на нее — статья А. М. Хирьякова «Пути жизни»,¹³ т. е. по получении дозволения печатать, события развивались стремительно. А до того?

В воспоминаниях упоминается француз, переводящий Тютчева. Речь идет о Ш. Саломоне, отношения с которым составляют небольшой отдельный сюжет в жизни Толстого (см. далее). Это позволяет нам еще более сузить поле для догадок. 23 августа Толстой фиксирует в дневнике: «Был Страхов и Salomon».¹⁴ Но дата не точна, она относится к дню записи. Названные факты, а также письмо к В. Г. Черткову от 23 августа показывают, что Толстой весь погружен в проблемы, о которых беседует с Воынским и Гуревич (см. комм. ниже). Как кажется, это дает все основания отнести первую встречу Толстого с Воынским примерно к 20—22 августа 1893 года. Можно указать, пожалуй, лишь на одно обстоятельство, которое противоречит предложенной датировке: 9 или 10 августа Толстой собирается отправлять статью в «Северный вестник»; Воынский и Гуревич приезжают без предупреждения, а в конце концов оказывается, что только что переписанная статья их ждет, т. е. кажется более вероятным, что визит в Ясную Поляну состоялся в начале 10-х чисел августа. Примем также во внимание, что нужно было время на доставку письма (при этом мы не знаем, где в это время находились Гуревич и Воынский, в Петербурге или где-то еще), а также время на то, чтобы добраться до Ясной Поляны. Видимо, самым резонным будет проявить осторожность и датировать визит интервалом с 12 по 22 августа.

Ничего принципиально нового приводимые нами дальше эпистолярные воспоминания в наши представления ни о Толстом и его окружении, ни о делах «Северного вестника» не вносят. Но они заставляют нас лишний раз осознать, что этот журнал и его главные деятели находились не на периферии современной литературы, а наоборот, занимали более чем достойное место. Как бы в скобках скажем, что даже для самих этих деятелей с течением времени журнал из частного, почти интимного дела превращался в серьезнейший факт литературного процесса своего времени. Это особенно заметно при взгляде на эволюцию воззрений Л. Я. Гуревич, но для создания полного впечатления необходимо опубликовать два мемуарных текста Гуревич о журнале — 1898 и 1926 годов,¹⁵ а также внимательно обследовать ее обширную переписку 1890-х годов.

Второй материал, который мы предлагаем читателям, — небольшое дополнение той же Гуревич к рассказу о первом визите к Толстому, начавшемся 27 августа 1892 года. С одной стороны, этот визит, как мы уже говорили, она описала в воспоминаниях, воскрешающих праздничные впечатления (она попала на день рождения Толстого), которые не хотелось портить. С другой, она уже написала обстоятельные воспоминания о С. А. Толстой¹⁶ и вносить в них дополнительные подроб-

¹¹ Там же. С. 381—382. Ср. изложение событий, основанное на тех же материалах: *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы для биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 56.

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 409 (комм. Н. В. Горбачева).

¹³ Русская жизнь. 1893. 11 сент. № 241.

¹⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 99.

¹⁵ Такая публикация готовится М. М. Павловой и нами для журнала «Литературный факт».

¹⁶ Гуревич Л. Я. С. А. Толстая // Жизнь искусства. 1919. 22—27 нояб. № 299—300, 302, 303. Краткая характеристика С. А. Толстой дана в воспоминаниях о Толстом (Гуревич Л. Я. Литература и эстетика. С. 280—282; в новейшей перепечатке купирована).

ности не самого приятного свойства было рискованно. Так эти листки остались в архиве. Но, пожалуй, пришло время их обнародовать хотя бы для узкого круга академических ученых.

О том, что отношения между двумя женщинами были не самыми лучшими, известно давно. Причиной открытого взрыва был рассказ «Хозяин и работник», который Толстой предназначил «Северному вестнику». 7 февраля 1895 года он записал в дневнике: «Несчастный рассказ. Он был причиной вчера разразившейся страшной бури со стороны С[они]»,¹⁷ и 15 февраля: «Следующие дни было хуже. Она положительно близка была и к сумасшествию, и к самоубийству. Дети ходили, ездили за ней и возвращали ее домой. Она страдала ужасно. Это был бес ревности, безумной, ни на чем не основанной ревности. Стоило мне полюбить ее опять, и я понял ее мотивы, а поняв ее мотивы, не то, что простил ее, а сделалось то, что нечего было прощать. — Послал вчера в С[еверный] В[естник], и здесь печатают у ней и в Посреднике».¹⁸

Сама Софья Андреевна в дневнике 5 февраля описывала события так: «Или у меня дурной характер, или здравый взгляд. Лев Николаевич написал чудесный рассказ: „Хозяин и работник“. Интриганка, полуеврейка Гуревич ловким путем лести выпрашивала постоянно что-нибудь для своего журнала. Лев Николаевич денег не берет теперь за свои произведения. Тогда печатал бы дешевенькой книжечкой изд. „Посредника“, чтоб вся публика имела возможность читать, и я сочувствовала бы этому, поняла бы. Мне он не дал в XIII часть, чтоб я не могла получить лишних денег; за что же Гуревич? Меня зло берет, и я ищу пути поступить справедливо относительно публики в угоду не Гуревич, а назло ей. И я найду».¹⁹

Сама Гуревич на публике также излагала обстоятельства неладов. 14 мая 1926 года она делала доклад о «Северном вестнике» на заседании подсекции русской литературы Литературной секции ГАХН, и в прениях Н. К. Гудзий задал ей вопрос: «...интересно знать, почему С. А. протестовала против Толстого в „Северном Вестнике“», — на что получил такой ответ: «На вопрос Н. К. Гудзия о причинах нелюбви С. А. Толстой к „Северному Вестнику“ докладчица отвечает, что С. А. Толстая была женщиной корыстной. Сохранилось ее письмо, где она просила „в виде взятки“ лишние экземпляры корректур „Хозяина и Работника“. Л. Н. Толстой застал жену за тем, что она пыталась послать этот текст Сытину для издания. Между ними разыгралась тяжелая сцена, затем Л. Н. запер этот текст, она взломала замок и т. д. С. А. старалась сблизиться с издательницей, чтобы отвести ее от Л. Н., читала одно свое произведение „антикрейцеровского“ содержания, говорила, что Л. Н. был великим человеком до 80-х годов, говорила о тяжелых отношениях между ними в начале их супружеской жизни и т. д.».²⁰

Публикуемый нами далее мемуарный фрагмент не только конкретизирует приведенный ответ, но и позволяет внести существенные обертоны в описание взаимоотношений писателя и журнала.

Первый текст печатается по: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 20. Сверху карандашом записано: «Копия с моего письма о поездке к Толстому». Впоследствии Гуревич предполагала включить несколько видоизмененный фрагмент из него в воспоминания «Толстой как собеседник», оставшиеся неопубликованными (карандашный автограф — РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 65в—65г; машинопись того же текста — Там же. Л. 68; в более позднюю машинопись этот фрагмент не

¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1: 1862—1900. С. 232—233. Ср. изложение этих событий: Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы для биографии... С. 135—136.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36. Л. 58.

включен). Небольшой отрывок из этого текста был напечатан П. В. Куприяновским без точного указания места хранения и не вполне корректно.²¹ Второй текст — РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 15. Карандашом написано: «Первые впечатления от С. А. Толстой. Копия имеется в архиве В. Г. Черткова. В печати мной еще не использовано. Л. Г.».

²¹ Куприяновский П. В. «Оглядываясь на прошлое...». С. 211.

ПРИЛОЖЕНИЕ

〈ВОСПОМИНАНИЯ Л. Я. ГУРЕВИЧ О ВИЗИТАХ К ТОЛСТЫМ〉

1

СПБ. 1893 года Декабря 24 дня.

Расскажу Вам, насколько возможно подробнее, о нашей поездке к Толстому. Мы выехали из Тулы часа в три дня на тульском извозчике. До Ясной Поляны приходилось проехать верст около 15 по мощеному шоссе, которое извивается по пологим среднерусским холмам среди полей и лесов. Леса в этих местах чудесные, настоящие засеки из дубов и лип. Горизонты далекие, и небо раскидывается широко и высоко. Каждый раз, подъезжая к Ясн(ой) Поляне этой дорогой, невольно задумываешься о произведениях Толстого и чувствуешь, что многие страницы навеяны этими именно местами, создались среди этих горизонтов. Мы ехали скорой рысью, погода была свежая, по небу ползали серые тучи с белыми краями, на горизонте что-то светлело, обещая, что погода разгуляется. Мы говорили, как это было вполне естественно, о Толстом, о его произведениях последнего времени и, критикуя некоторые стороны их, оттеняя недостатки русской философии, А. Л. говорил вслед за тем о том, что это истинно великая фигура, окруженная при жизни прекрасною легендою, и что как-то жутко, пройдя через туман этой легенды, приблизиться к настоящему, реальному Толстому... А. Л. чувствовал себя взволнованным. Толстой не ждал его в этот день, мы не знали даже наверное, застанем ли его в Ясн(ой) П(оляне), и не представляли себе, как сложится это свидание. Когда мы приблизились к Я(сной) П(оляне) и на холме, по которому стелется, как лес, большой старый сад Ясн(ой) П(оляны), забелелись два каменных столба, составляющих въезд в усадьбу, А. Л. вышел из экипажа и попросил меня доехать одной, чтобы предупредить Толстого о его приезде... Я застала Толстых за обедом в большой яснополянской зале, и когда успокоилась первая суета, вызываемая приездом гостя среди обеда, я — на вопрос Л. Н. Толстого — каким образом мне удалось еще раз попасть к ним (перед тем я уже была у них и простилась до зимы¹), сказала, что приехала нарочно, чтобы познакомить его с Волынским. Раздались восклицания: где же он? откуда он приехал?.. Толстой хотел, вставши из-за стола, сейчас же пойти к нему навстречу, но я передала просьбу А. Л. — не беспокоиться и подождать его прихода. Т(олстой) опять сел за обед и сказал мне: «Странно, я его сегодня во сне видел — будто я с ним познакомился. Я был в обществе евреев, там был, между проч(им), Исаак Ф. (один еврей, бывший некоторое время учителем в Ясн(ой) П(оляне) и поклонник Т(олстого)²) и Волынский, с которым я еще не был знаком, и я просил Ф. познакомить меня с ним... И вот как раз сегодня придется познакомиться...» Обед кончился, но Аким Львович все гулял. Т(олстой) еще раз выразил желание пойти поискать его, и я еще раз просила, передавая просьбу А. Л., — не беспокоиться... После обеда все разбрелись — по яснополянскому обыкновению. Одна партия пошла на лаун-теннис, сам Т(олстой) отправился в

сад... Я увидела А. Л. медленно подходящим по дороге к дому через сад, и, познакомив его с Татьяной Льв. Толстой, игравшей на лаун-теннисе, пошла вместе с ним искать Толстого. Мы вошли на короткое время в дом, откуда все разбрелись (в Я(сной) П(оляне) все очень свободно и просто), и из окна второго этажа А. Л. сейчас же узнал издали фигуру Л. Толстого, пилящего со своим зятем Кузминским³ какое-то дерево. Ак. Л. гов(орил), что Т(олстой) поразил его какой-то необычайной энергией и стремительностью в движениях, мощью и бодростью, сквозящей особ(енно) в верхней части фигуры... Мы спустились в сад и пошли к Т(олстому) по липовой аллее. Он увидел нас и, оторвавшись энергичным поворотом от своей работы, пошел навстречу... Они встретились и поздоровались без лишних слов, с плохо скрываемым волнением и стеснением двух сложных натур, смутно *предчувствующих друг друга*. Мы пошли все трое по саду, по старой липовой аллее, окружающей четырехугольную полянку, и мне в первый раз бросилась в глаза застенчивость Толстого, который быстро шел с легкой дрожью в коленях и неуверенным голосом, скользя с одной темы на другую, и видимо тяготясь молчанием А. Л., говорил о современной журналистике, о дурной стороне полемик, о некоторых обративших на себя его внимание статьях современных журналов. А Аким Львович шел рядом твердым шагом, опираясь на палку, и молча, испытующе, сжав губы — прислушивался к говору этого настоящего реального Толстого...

«Где это моя палка? — нервно говорил время от времени Т(олстой), перебивая самого себя, — пойти надо поискать ее...» И, идя к дому, он продолжал свою речь о современной науке, о том, что современные люди готовы назвать наукою всякое пустое занятие: «Вот даже считать волос у этой собаки — и это наука. Думают, что это наука, и что это то, что надо... Я нарочно просил Грота⁴ дать мне определение науки, как он ее понимает, — нарочно попросил об этом Грота... Вы понимаете — это *типичный* ответ. Чего он только туда ни включил!...» Он вошел в дом и долго искал свою палку, потом вышел без нее. «Нет, ну все равно пойдемте походить по саду...» Мы опять пошли в сад и сели на старую низкую садовую скамейку. «Жена моя, — заговорил Т(олстой), — занята теперь переправкой 12-ой главы моего последнего сочинения — „Царство Бога...“⁵ Она очень взволнована тем, что произошло: Вы знаете — я отдал печатать эту вещь за границей. Ну и они сделали выдержки в газетах из того, что касалось России и голода и двух губернаторов... Ну и вот... — он нервно протянул руку к палке А. Л. и, опершись на нее и играя рукояткой, несколько успокоился и продолжал, — Они там перепутали, это обратило на себя внимание задетого мною губернатора, и теперь меня уже бомбардируют письмами из-за границы разные русские... Жена моя очень боится, но я рад, что она постепенно привыкает к опасностям... Впрочем, мне все это крайне неприятно: в моем сочинении мне важна совсем другая сторона, внутренняя, а не отдельные эпизоды, приведенные случайно, как иллюстрация. Из всего этого вышла какая-то антипатриотическая сплетня... Мне это очень неприятно, потому что по отношению моей основной мысли — отрицанию *всякого государства* — эти случаи с русскими губернаторами — совершенно незначительны. Я отрицаю государство вообще, всякое государство, столько же государственный социализм, сколько и монархию. Социалисты так же чужды мне, как и эти господа...⁶ Тут у меня в деревне поселились было двое социалистов — т. е. по образу мыслей социалисты, марксисты и т. п. — студент и барышня. Я тут с ними спорил. Она все хотела ссылаться на их катехизис, да точно не могла цитировать и обращается к нему: как это, как это говорит Энгельс?... Я им откровенно сказал, что если бы меня спросили, что бы я предпочел для своих детей — чтобы они были такими, как они, или совсем безграмотными, то, конечно, я предпочел бы последнее, потому что этот экономический катехизис, эти механические взгляды на все — это смерть для мысли, для самостоятельности ума. С этим ничего сделать нельзя...»⁷

В саду стало свежо, и мы пошли к дому. Графиня продолжала работать над перепиской рукописи, и Т<олстой> привел нас в свой кабинет, помещающийся в нижнем этаже дома. Это тот самый кабинет, в котором изобразил Т<олстого> Репин на одном из своих портретов,⁸ — низкая комната со сводами, с штукатуренными стенами, с небольшими окнами. Между окон письменный стол с табуретом, а в глубине, в углу, клеенчатая мебель. На круглом преддиванном столе — беспорядочная груда иностранных журналов и книг: их присылают Толстому со всех концов света, и он всем интересуется, за всем следит... «Вот сядем здесь, — сказал он, — здесь хорошо, тепло...» Он сел у круглого преддиванного стола и стал перебирать журналы. А. Л. сидел на стуле у окна. «Интересные журналы тут есть, особенно американские: есть специально посвященные вопросам морали, вегетарианству, борьбе с деньгами...» Он сделал жест, как бы приглашая А. Л. придвинуться. Но А. Л. остался на месте. «Вот, — гов<орил> Т<олстой>, — журнал, посвященный, как видно и по заглавию, — науке религии...»⁹ Напрасно только тут это слово — наука религии... Посмотрите...» — он хотел поднести его А. Л., но тот встал и, перенеся стул, сел у стола с нами. «Лучше было бы назвать это „Науке и религии“», — сказал Аким Львович. — «Как это? Почему Мне кажется, что наука не нужна для открытия религии, что суть в том, чтобы уловить известную точку зрения на мир, уловить Бога, и что как только это уловлено — все равно, просвещенным ли человеком или каким-нибудь крестьянином, — отправной пункт найден и для морали, и для всякого знания... Так что идти от науки, через науку к религии — невозможно... Я вовсе не против науки в том смысле, как это говорят другие... Мне смешно даже, — перебил он сам свою мысль, — когда придет какая-нибудь барыня в фальбале,¹⁰ котор<ая> всю свою жизнь ничем и не интересовалась, кроме этой фальбалы, — и начнет говорить: ах, Л. Н., — вы против искусства, вы против науки!.. Это глупо, п<отому> ч<то> я сам всю жизнь работал над искусством и занимался наукой, и не отрицаю науки в том смысле, как это обыкновенно многие говорят... Но дело в том, что я не могу допустить, чтобы к религии, т. е. внутреннему сознанию, можно было подойти через изучение внешнего мира, т. е. через науку... Я не понимаю Вашей мысли — мне бы хотелось, чтобы Вы мне разъяснили ее как следует...» — «Видите ли, Л. Н., — заговорил А. Л. тихим голосом, — я развил подробно свои мысли на эту тему в своей статье, которую только что отправил для печати...»¹¹ Но и кратко говоря, я, вероятно, все-таки смогу передать Вам мою мысль... Человеческая душа по природе своей исключительно духовна и способна к непосредственному ощущению Божества как своего источника, и все, что мы узнаем о мире, есть продукт этой духовной природы... Но в порядке обычного познания мира человек прежде всего наталкивается на вопросы о внешнем окружающем, о природе, и изучение природы по частям и создает ряд наук или науку. На этой первой ступени понимания внешнего мира многие люди и останавливаются. Но далее, познав свою природу, человек может внести сознание ее духовности и во все, что составляет продукт ее творческой способности, в свои представления о природе и переработать эти представления под новым углом зрения. Это будет вторая ступень познания — философия, от которой есть уже прямой переход к религии как к непосредственному ощущению Божества, о котором Вы и говорите...» — «Да, конечно, — сказал Т<олстой>, — я понял Вашу мысль. Природа — это те леса, которыми окружено строящееся здание. Когда здание окончено, леса рушатся, они уже не нужны... Религия — это то здание, которое нам всем одинаково нужно, религия — т. е. познание Бога и своего происхождения от Бога...» — «Философия prepares религиозное сознание, п<отому> ч<то> утверждает сознание духовности нашей природы и ее единства с природой Бога». А. Л. говорил тихо, медленно, вдумчиво, Т<олстой> внимательно, сосредоточенно слушал его. «А смерть?» — спросил вдруг Т<олстой> испытующе и серьезно, задавая этот вопрос столько же и самому себе. «Смерти нет», — уверенно и твердо сказал А. Л. —

«Как? Я хочу понять Вас...» — «Смерти не может быть. Если человеческая природа вся духовна, то умирать нечему...» — «Да, да, я понимаю Вас. Если человеческая природа имеет своим источником Бога, то она должна быть бессмертна. Я и сам думаю, что она бессмертна...» Он просветлел, взгляд его был согрет радостью взаимного понимания. Ясно было, что они поняли друг друга и ощущали глубокое удовлетворение друг от друга. Разговор был исчерпан в главном, наиболее существенном, и в то же время прерван приходом Татьяны Л. Толстой. После этого говорили о разных книгах, между прочим об одной новой английской книге о лечении духовными способами, кот^{ор}ая лежала тут же на столе. Т^{ол}стой рассказывал ее содержание и свои мысли о том, какое значение имеет воля для самоизлечения от любой болезни...¹² Пришли звать к чаю, но в комнате было так уютно и душевно тепло, что сам Т^{ол}стой сказал: «Нет, подождем еще, поговорим, тут нам хорошо...»

К чаю собирается вся семья Толстых, вместе с многочисленными родственниками и друзьями, гостящими в Ясн^{ой} П^оляне. Разговор идет перекрестный и потому отрывочный. Т^{ол}стой занялся с другим гостем — французом, приехавшим в Россию изучать русск^{ую} литературу и переводившим Тютчева.¹³ «Чудные есть вещи у Тютчева, замечательные, замечательные... Прочтите-ка это вслух... — обращался он к разным лицам за столом. — Это истинный поэт! — говор^{ил} Т^{ол}стой, перечитывая с французом его перевод из Тютчева. — По-моему, он просто выше Пушкина», — обратился он к А. Л. — «Я не сказал бы этого», — твердо сказал А. Л. Они не стали спорить. Т^{ол}стой продолжал занимать француза. Было уже поздно. «А который час? — сказ^{ал} вдруг Т^{ол}стой. — Пожалуй, уже Вам скоро ехать... Хочется еще поговорить, пока Вы тут... Ну скажите — что Вы теперь намерены писать, какие Ваши ближайшие задачи?» — А. Л. сказал, что намерен последовательно разобрать русских критиков, начиная с Белинского.¹⁴ «Стоит ли это? — сказ^{ал} Т^{ол}стой. — Я хочу сказать: стоит ли это Ваших усилий, ведь это большая работа. Откровенно говоря, я не вижу в них ничего живого, серьезного. Даже Белинский был мне всегда как-то скучен. Я несколько раз принимался читать — и бросал. Т. е. я знаю, что это была очень хорошая натура, так мне чужется, но какие у него были идеи?.. Пусто это все как-то... А уж Добролюбов... Я даже и не знаю, право, что он хотел сказать?.. Что такое у него есть?....» — «Давот... Темное царство...»¹⁵ — сказал Ак. Львов., ядовито улыбаясь. — «Ну да, „Темное Царство“... я знаю — и что же? Что же? Я совершенно серьезно, наивно спрашиваю Вас, чего хотели эти люди, в чем их идеи, положительное содержание этих идей?..» — «Да я-то с Вами согласен, Л. Н., что тут ничего положительного и не было, но дело в том, что эта полоса критики имела большое влияние на русское общество — так что теперь, прежде чем идти дальше, необходимо разгрести весь этот мусор, чтобы покончить с этим и больше уж не возвращаться». — «Да, да, я согласен. Это нужно, действительно. Ну, дай Вам Бог, дай Вам Бог... Я очень желаю успеха Вашему делу...»

Пора было уезжать, но было трудно оторваться от этой беседы и этого общества. Марья Льв. Толстая — младшая дочь Л. Н., страстная поклонница и последовательница отца, отказавшаяся от своей доли разделенного имущества и постоянно занятая до истощения сил умственной и физической работой, но сохраняющая необыкновенную живость и пылкость, принесла гитару и тихонько напевала цыганские песни, целый хор молодых голосов ей подтягивал....

Мы простились наконец. Т^{ол}стой дал нам с собой только что переписанную начисто статью «Неделание», предназначенную для ближайшего № «Сев^{ерного} Вестн^{ика}».¹⁶ Он крепко жал руку А. Л. и повторял, что всячески желает успеха журналу.... Ночь была холодная, и Лев Львович Т^{ол}стой заботливо настоял на том, чтобы А. Л. надел на себя сверх пальто его толстую деревенскую свиту. Мы уехали с сознанием, что это свидание дало все, что только может дать людям бесе-

да с истинно великим и близким по духу человеком. Ничто не нарушало цельности впечатления, и мы почти молча проехали ночной путь, слабо освещаемый прятавшейся за тучи луною, с чувством глубокого удовлетворения.

2

Я записала свои впечатления от знакомства с Софьей Андреевной Толстой в своих воспоминаниях о ней, напечатанных в четырех номерах газеты «Жизнь искусства» в 1919 г., вскоре после ее смерти. Но как потому, что я писала тогда для печати, так и потому, что смерть человека всегда делает особенно осторожным во всем, что говоришь о нем, многое из знакомства с ней осталось в тех моих воспоминаниях недосказанным. Тягостные вещи вспоминаются из дней первого же приезда моего в Ясную Поляну. Приехала я туда, формально говоря, — по ее приглашению, т. к. Н. С. Лесков писал ей, что такая-то, издательница «Северного Вестника», гостит у своей матери недалеко от Тулы и хотела бы познакомиться с их семьей. Так как мою мать, урожденную Ильину,¹⁷ Софья Андреевна хорошо знала в детстве (Берсы и Ильины жили в одном и том же доме в Кремле и часто видались), Софье Андреевне, мож(ет) быть, было оттого и любопытно посмотреть, что представляет собой ее дочь. Но, конечно, она отлично понимала, что влечет меня в Ясную Поляну отношение мое ко Льву Николаевичу.

Приехав в Ясную Поляну к вечеру 27 августа 1892 г., я имела возможность тогда же поговорить с ним с глазу на глаз:* Софья Андреевна поехала в имение Н. Н. Фигнера, чтобы пригласить его с женой, Медеей Фигнер,¹⁸ на день рождения Льва Николаевича. Увидела я ее только на следующее утро. Встретила она меня приветливо, расспросила о моей матери, а затем довольно скоро поставила вопрос ребром: «Вы, конечно, приехали потому, что интересуетесь Л. Н., — сказала она. — Ведь так? Вы считаете, что он великий человек. А я прямо скажу вам: он был великий человек. Теперь он вовсе не великий человек. Он был велик в своих художественных произведениях. То, что он пишет теперь...» Я не помню, в каких выражениях она высказывалась о его трудах последнего времени, — это было в общем то же, что мне сотни раз приходилось слышать от банальнейших людей из интеллигенции того времени, и если производило на меня какое-нибудь впечатление, то лишь потому, что это она говорила и в таком поражающе-самоуверенном и явно недоброжелательном по отношению к нему тоне. Я слушала ее, отделяваясь короткими репликами, п(отому) ч(то) на глубокий спор суждения ее не вызывали, но степени несогласия моего с ней отнюдь не скрывала. Тогда же, при первом разговоре с ней, сложилось у меня если не вполне сознательное убеждение, то очень отчетливое чувство, что всякий новый посетитель их дома, показавшийся ей по каким-либо внешним причинам не вполне «безнадежным» с ее точки зрения, является для нее как бы предметом борьбы с ее мужем, вызывает в ней желание привлечь его в этой борьбе на свою сторону. Дальнейшее подтвердило это мое ощущение и самую ненависть ее ко мне, о которой с 1895 г. (т. е. с того времени, как Л. Н. отдал в «Сев(ерный) Вестн(ик)» «Хозяина и работника»), о которой (так!) я уже знала со слов П. И. Бирюкова и Татьяны Львовны, я долго понимала только в том смысле, что вот, несмотря на все ее старания, ей не удалось склонить меня на свою сторону и оттолкнуть меня от Л. Н.

А старания эти, в тот же первый мой приезд в Ясную Поляну пошли очень далеко. В один из дней моего пребывания там, возобновив со мной как-то утром разговор на тему о том, что Л. Н. перестал быть великим человеком, она вдруг сказала: «Вы все не верите мне?... Ну так вот... Пойдемте со мной...» Она встала с зага-

* Этот первый разговор мой с ним записан у меня по памяти в другом месте (Прим. Л. Я. Гуревич).

дочной усмешкой и повела меня за собой из большой столовой по лестнице вниз через двор и опять вверх по задней лестнице. Я шла за ней в тяжелом недоумении, как во сне. Наконец она отворила дверь в спальню и, предложив войти туда, указала рукой на две стоящие рядом небубренных с ночи постели: «Вот!.. Вы понимаете теперь?.. Это человек, написавший „Крейцерову сонату“ и послесловие к ней! Вы понимаете, как он последователен в своих принципах!.. Учит одному, а делает другое...» Я ничего не сказала и вышла, потрясенная ее цинизмом. И потом, когда я мысленно возвращалась к этому безобразному приему борьбы, я думала: «Боже мой! Помимо всего прочего, она ведь по своим понятиям должна считать, что молодым девушкам¹⁹ не говорят о таких вещах, значит и самый эффект был рассчитан ею на впечатление совершенно исключительное...»

Вероятно, и тут, т. е. после всего этого, она заметила, однако, что желаемой цели совсем не достигла, и на время переменяла тактику, постаралась просто взять меня любезностью, вниманием. Но долго еще продолжалась эта борьба...

¹ Об этом визите у нас информации нет.

² Речь идет об Исааке Борисовиче Файнермане (1863—1925), писавшем под псевдонимом Тенеромо, который был некоторое время учителем в яснополянкой школе. Известен как пропагандист учения Толстого. В воспоминаниях «Толстой как собеседник» его фамилия названа полностью.

³ Кузминский Александр Михайлович (1844—1917) — судебный деятель, сенатор. Был женат на сестре С. А. Толстой — Т. А. Берс, писательнице, авторе известных воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

⁴ Грот Николай Яковлевич (1852—1899) — философ и психолог, редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

⁵ Имеется в виду обширное сочинение Толстого «Царство Божие внутри вас» (1890—1893). В России было запрещено и опубликовано лишь в 1906 году.

⁶ См. в комментарии Н. В. Горбачева исчерпывающее описание имеющихся в виду обстоятельств: «16 августа 1893 г. Толстой записал в Дневнике: „Главное, появилась за границей выписка из этой книги об Орловском деле, и началась суэта, и воздействия, и ложные понимания, и клевета. Вчера Соня и Кузминские читали и указали мне на неточности: 1) то, что вешают в деревне, 2) что всегда секут, 3) обиды Зиновьеву. (Зиновьев прочел в Штокгольме и очень обижен, огорчен, озлоблен. (...))” (т. 52, стр. 96). В приведенной дневниковой записи имелось в виду появившееся во многих заграничных газетах описание из XII главы „Царства божия внутри вас” встречи Толстого 9 сентября 1892 г. на станции Узловая с карательным поездом, направлявшимся во главе с тульским губернатором Зиновьевым истязать крестьян села Бобрики, и расправы, совершенной орловским губернатором Неклюдовым над крестьянами деревни Оболеншевки Орловской губернии. Это описание (...), по словам Толстого, „подняло бурю в русских правительственных сферах”. Находившийся в то время в Ясной Поляне А. М. Кузминский, читая XII главу „Царства божия внутри вас”, обратил внимание Толстого на неточности при изображении наказаний, применяемых при крестьянских волнениях», и далее описывается правка, произведенная Толстым в связи с таким положением дел (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 364—365).

⁷ 16 августа 1893 года Толстой записывал в дневнике: «Разговор с социал-демократами (юноши и девицы). Они говорят: „Капиталистическое устройство перейдет в руки рабочих и тогда не будет уже угнетения рабочих и неправильного распределения заработка”. „Да кто же будет учреждать работы, управлять ими?” спрашиваю я. „Само собой будет идти, сами рабочие будут распоряжаться”. Да ведь капиталистическое устройство установилось только [отому], [что] нужны для всякого практического дела распорядители с властью. Будет дело, будет руководство, будут распорядители с властью. А будет власть, будет злоупотребление ею, то самое, с чем вы теперь боретесь» (Там же. Т. 52. С. 97—98). Л. Д. Опульская сопоставила этот текст с фрагментами из записной книжки за 5 августа (Там же. С. 245), добавив: «...их можно связать с визитом в Ясную Поляну А. Я. Коца, горного инженера, работавшего на одном из рудников Подмосковского угольного бассейна, близ ст. Ясенки, переводчика на русский язык „Интернационала”, автора сборника „Песни пролетариев” (1906, псевд. Данин)» (*Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы для биографии... С. 63).

⁸ Речь идет либо о портрете маслом «Лев Николаевич Толстой в кабинете под сводами» (1891; Литературный музей ИРЛИ), либо о карандашном портрете «Л. Н. Толстой за работой у круглого стола» (1891; ГРМ).

⁹ Какое именно издание имеется в виду, неизвестно. Журнал с ключевыми словами «science» и «religion» отсутствует в каталоге Библиотеки конгресса. Иностранная периодика из библиотеки Толстого в настоящее время не описана. Не исключено, что имеется в виду неболь-

шая книга: Reports of Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the National Christian Science Association, Held at New York City, May 27, 28, 29 1890. Boston, [1890] (Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Тула, 1999. [Т.] III: Книги на иностранных языках. С. 122).

¹⁰ Р. М. Кирсанова определяет ее так: «Речь идет об очень широкой оборке, закрывающей лоб и щеки, ею отделявали чепцы пожилых женщин вплоть до середины XIX века (...) Для этого (конец 1840-х годов. — Н. Б.) времени „фалбала“ — признак старомодности, знак преклонного возраста» (Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 243).

¹¹ Имеется в виду статья: Волынский А. Наука, философия, религия // Северный вестник. 1893. № 9. С. 179—201; 1-я паг. Впоследствии под заглавием «Наука, философия и религия (Cogitata metaphysica)» включена в книгу: Волынский А. Л. Борьба за идеализм. СПб., 1900. С. 368—382.

¹² Речь идет о книге: Evans Fr. The Divine Law of Cure. Boston, 1884. 23 августа 1893 года Толстой писал о ней В. Г. Черткову: «Я перечел после вас книгу Evans'a. В ней много прекрасного. Только он хочет слишком многого и от того подрывает доверие. Я думаю, что надобно бы сказать, что едва ли в среднем не 50 %, иногда больше, иногда меньше, в каждом страдании зависит от духовных причин, и вот эти 50 % все могут быть устранены духовным лечением, не говоря уже о том, что оно исключает возможность вреда. Это по крайней мере несомненно» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 87. С. 214—215). Однако 27 сентября того же года сотрудница издательства «Посредник» Е. И. Баратынская сообщала Черткову: «Лев Николаевич вообще не советует пока переводить „The divine law of cure“. Он долго читал и много думал, многое ему очень нравится и он было совсем решил, что стоит переводить, потом, поразмыслив окончательно, говорит, что нет. Он находит, что Эванс слишком хочет доказать, что он думает, чем не достигает цели, так как дает этим повод противникам обличить его в несостоятельности, компрометирует самое учение, за которое стоит, и еще Льву Николаевичу не нравится, что он склонен свести все к наложению рук» (Там же. С. 216).

¹³ Имеется в виду французский литератор, энтузиаст русской литературы Шарль Саломон (1862—1936). 8 сентября 1894 года Толстой спрашивал его: «Что ваш перевод Тютчева? Он должен иметь успех у настоящих ценителей поэзии» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 67. С. 220). Перевод (на тексте которого Толстой сделал несколько замечаний) был опубликован много лет спустя после смерти переводчика. См.: Tioutchev F. I. Poésies choisies / Publiées en russe avec introduction et notes par N. Otzoupe; traduit en français par C. Salomon; précédées d'un avant-propos par A. Mazon. Paris, 1957 (о самой книге и реакции на нее в кругу русской диаспоры см. в примечаниях О. А. Коростелева: «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисловие и прим. О. А. Коростелева. М., 2008. С. 524). Несколько подробнее об этом человеке см.: Мазон А. Французский корреспондент Толстого: Из писем Шарля Саломона // Лит. наследство. 1965. Т. 75. Кн. 1: Толстой и зарубежный мир. С. 589—592.

¹⁴ Речь идет о замысле серии статей Волынского, впоследствии составивших книгу «Русские критики. Литературные очерки» (СПб., 1896). Статья о Белинском появилась в конце 1893 года. См.: Волынский А. Л. 1) Литературные заметки // Северный вестник. 1893. № 10. С. 120—156; № 11. С. 129—171; № 12. С. 146—196 (все — 2-я паг.); 2) Русские критики. С. 1—128.

¹⁵ Подразумевается знаменитая статья Н. А. Добролюбова «Темное царство» (1859) и, вероятно, еще более знаменитая «Луч света в темном царстве» (1860).

¹⁶ Статья действительно была опубликована в девятом номере «Северного вестника» (подробнее об этом см. с. 171—172).

¹⁷ Любовь Ивановна Гуревич (урожд. Ильина; ок. 1845—1922).

¹⁸ Фигнер Николай Николаевич (1857—1918) — оперный певец (тенор), Фигнер Медея Ивановна (1860 (называются также другие даты рождения) — 1952) — его жена, также оперная певица (меццо-сопрано).

¹⁹ Напомним, что в это время Гуревич было 26 лет.